

Е.П. Педчак

Пророк

«Пророк» был создан Пушкиным в 1826 году. Современники поэта: А.В. Веневитинов, П.В. Нащокин, С.А. Соболевский — связывали появление стихотворения с казнью декабристов.

По жанру — это не задушевный романс, но грандиозная музыкальная оратория. Будучи напечатанным, оно приобрело характер политической, общественной декларации, с которой Пушкин входил в новую, последекабрьскую действительность. «Восстань, пророк, и виждь, и внемли...» — заявлял поэт в своей декларации, как бы утверждая, что поражение декабристов не поколебало его веры в конечное торжество их целей и не изменило его отношения к самодержавию.

В этом замечательном стихотворении зрелого Пушкина (1826–1828) говорится о том, какими свойствами должен обладать поэт (в отличие от обыкновенного человека), чтобы достойно выполнять свое назначение. Если в других стихотворениях, говоря о поэзии и поэте, Пушкин пользуется аллегорическими образами античной мифологии (музы, Аполлон, Парнас и т. п.), то здесь он обращается к библейской мифологии: вместо поэта — пророк, вместо Аполлона — еврейский бог, вместо музы — шестикрылый серафим (то есть ангел). В стихотворении рассказывается о том, как посланник Бога, серафим, преобразует всю природу человека, чтобы сделать из него поэта («пророка»).

Одно за другим в ритме восходящей градации следуют резкие действия, идущие в порядке постепенного усиления:

Моих зениц коснулся он...

Моих ушей коснулся он...

И вырвал грешный мой язык...

И он мне грудь рассек мечом...

Но и этого полного преображения, изменения всех чувств и способностей человека оказывается недостаточно, чтобы стать настоящим поэтом: «Как труп в пустыне я лежал...» Нужна еще высокая цель, высокая идея, во имя которой поэт творит и которая оживляет, дает смысл, содержание всему тому, что он так глубоко и точно видит и слышит, так жарко чувствует и так тонко и мудро умеет выразить в слове. Эта «цель», эта «большая идея» образно, поэтически обозначена, как «Бога глас», взывающий к «пророку», как воля Бога, наполняющая его душу, оживляющая его («восстань», то есть «вставай», пророк, и «виждь и внемли», то есть «смотри и слушай»).

«И виждь и внемли» — это о всеведении поэта: все видеть, все слышать, все знать.

«Исполнишь волею моей...» — о добрых чувствах поэта: любить правду и справедливость.

«...И, обходя моря и земли...» — о широте размаха деятельности поэта на благо всего народа и человечества.

«Глаголом жги сердца людей» — о том, что поэт должен показывать людям подлинную, неприукрашенную правду жизни.

«...Глаголом жги сердца людей» — это об огненном слове поэта. Как будто символика, аллегория, а между тем какая реальная жизненная правда, какое глубокое, выведенное из фактов понимание задач и смысла искусства! Ничего лучше, полнее и точнее не было сказано на эту тему во всей мировой поэзии».

Каждое слово стихотворения полно силы и значения. Каждое выражение лаконично и образно. Это именно те пушкинские стихи, о которых писал Гоголь: «В каждом слове бездна пространства».

В стихотворении использованы многие архаизмы, что делает его торжественным: «персты» — пальцы, «зеницы» — глаза, «вещие» — мудрые, «горний» — высокий, «десница» — правая рука, «отверзлись» — открылись.

Обращает внимание и то, что из семи строк, посвященных рождению нового слуха поэта, шесть строк начинаются с союза «и». Именно он, этот союз, в строгую симметрию образов «Пророка», в библейскую размеренную последовательность его семантического и синтаксического течения вносит эмоциональную напряженность.

Из 30 стихов «Пророка» 15 начинаются с союза «и».

Размер стихотворения — четырехстопный ямб. Рифмы его преимущественно мужские. По жанру это — гимн, славящий высокое и трудное призвание поэта.